

МНЕНИЕ

УДК 655.552:327.2

Спектор Д.М.

Императив империи

Размышление над книгой: Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.,
под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова
(М.: Праксис, 2004. — 440 с.)

Спектор Давид Михайлович, кандидат архитектуры, доцент, старший научный сотрудник Института художественного образования РАО (Москва)

E-mail: daspektor@mail.ru

Книга М. Хардта и А. Негри дает автору повод к размышлению над сущностью и «точкой сборки» трендов современности. Эссе представляет собой выборочный комментарий исследования Харта-Негри

Ключевые слова: глобализация, империя, политика, геополитика, биополитика, экспансия, познание.

Книга Хардта и Негри достаточно характерна в нескольких отношениях: прежде всего, это вызывающая ностальгию по временам энциклопедистов попытка объять то, что представляется по нынешним временам заведомо необъятным – современность в ее основных интенциях, из которых на первом месте стоят *интенции глобализации*. И, во-вторых, попытка *относительно удачная* – по крайней мере, в отношении той свободы, с которой авторы переходят от аналитики философской к геополитической, политэкономической и иным.

Неудачи работы служат отражением ее достоинств. Подобно тому, как «Энциклопедия» Гегеля со всей ясностью обозначила пределы философии в отношении становящегося знания, так и книга Хардта-Негри обнажила границы, полагаемые сложностью предмета в отношении к его синтетическому представлению.

При всем уважении к учености авторов плод их усилий достаточно эклектичен; это все же набор любопытных срезов, паноптикум современной мысли, инсталляция ряда остроумных и не очевидных суждений, отчасти собранных по крохам из различных трудов, отчасти авторами продуцированных. Характерно и то, что авторы отдавали себе отчет в безнадежности такого рода предприятия и, казалось бы, обзавелись *позицией*, позволяющей придавать разрозненному чаемое единство; увы, их «точка сборки» впитала общую эклектику изложения. Она образована идеями Маркса, подвергаемыми выборочной сепарации; ее исходные положения эмпиричны и не позволяют ни встать на позиции марксизма обеими ногами, ни отвергнуть их, ни преодолеть с позиций нового видения. Наиболее *слабые* страницы работы заключаются в альтернативах рабочего движения, в *предельно-абстрактных* инвенциях «сопротивления», не определенного ни в целях, ни в средствах, представленных околофилософскими мотивами «избегания» и «номадизма». Кредо борьбы пролетариата за полную и окончательную *свободу* ознаменовало и *верность авторов заветам основоположников, и подслеповатую «остаточную» веру в ветхие лозунги*.

Разумеется, то, что не удалось почтенным мужам на просторах их почти что пятисотстраничного труда, невозможно вжать в несколько сотен строк. Данное эссе и представляет в силу того *выборочный комментарий*, имеющий цель обозначить подступы к возможной «точке сборки» бесконечного разнообразия трендов современности (все цитаты взяты из упомянутой книги и в тексте приведены курсивом с указанием страниц).

«При переходе к постсовременной глобальной экономике создание богатства более чем когда-либо имеет результатом то, что мы называем биополитическим производством, производством самой общественной жизни, когда политическая, экономическая и культурная сферы все более совпадают друг с другом и становятся взаимопроницающими» (с. 13).

Мысль, проходящая красной нитью сквозь весь компендиум, рожденная в XX столетии и обретшая ту относительную законченность в работах М. Фуко, которая позволила связать господствующие в философской и психологической литературе мотивы эволюции с властью и ею осуществляемой политикой. Вообще говоря, эта фундаментальная скрепа современного мышления предполагает достаточно детальную аналитику – но, за отсутствием такой возможности, ограничимся рядом замечаний.

Прежде всего, фундаментализм позитивно-материалистического основания, низводящего человека к «природе», настолько же основателен, насколько спекулятивен. В этой логической фигуре разумеющаяся отсылка к истокам исполняет роль отвлекающего маневра, позволившего проделать трюк на глазах изумленной публики. Но если основания ис-

тории представлены столь натуралистичной природой, целиком сводимой к инстинктам, рефлексам и прочей «механике», то откуда в ее недрах возникает пресловутое «сознание», на которое, как на терпеливого ишака, грузится по желанию аналитика скарб общества, речи, развития, субъекта и человечности?

Чем более настойчиво присягают антропологи биологии и ее основам, множа позитивизм в его ортодоксальных редакциях, тем настойчивее расцветают цветы спиритуализма, питаемая разрывом абсолютизируемой «естественности» и противоестественного сознания, свободы etc.

А ведь именно эта двоица – терпеливый Санчо, ведомый «телесным низом», желудком и неугомонным половым аппаратом, и томный Дон-Кихот, отрешенный от всего брэнного (и так кстати обретший над Санчо власть), – воплощают ведущие мотивы исторической аналитики. И в самых своих убедительных редакциях, например, психоаналитической или марксистской, она с праведной настоятельностью обряжает и нарумянивает эту пару. З. Фрейд попросту повторяет с поправками на данные науки ведические диспозиции, сводя обоснование природы сверх-Я к паре анекдотов; но и Маркс, акцентирующий в природе Санчо желудок, а не половой орган, не в силах вывести второго протагониста из недр естества, благополучно растворяя его в невяжнитоосознанном инстинкте и подсобных орудиях. И ведь пара эта *комична* в своей противоестественности; аристократичность *такого рода* в реальности *непредставима*; прадеды утонченных аристократов духа некогда завоевывали все свои привилегии мечом и кровью – с тем, чтобы и в дальнейшем, если и позволять отдельным своим изнеженным отпрыскам представлять *аристократией духа*, то использовать плоды этой умственной отвлеченности в целях поддержания и удержания власти.

И Фуко ничего другого не остается, как разделить данные послышки, сконцентрировавшись на критике их *исторических воплощений*. Изрядно потрепав Санчо с его естеством и раскрыв тайную его зависимость от святого спутника, М. Фуко все же не посягает на истоки иезуитской природы последнего, столь явно питаемого святым духом и исподволь проводящего пакостную свою политику. После всех очистительных бурь XX столетия, раскрытий и разоблачений, камня на камне не оставивших от сентиментальных дум политики, «власть», свободная от священной истории, метафизики, политической целесообразности и самоцели дисциплинарных практик, в глубинных мотивах своих предстала, пожалуй, *еще более загадочной и необъяснимой*. «Подвесим» это примечание и двинемся дальше.

«Это действительно отправная точка в нашем исследовании Империи... Изучая и критикуя новые формы международного и наднационального права, мы проникнем в самое сердце политической теории Империи, где проблемы наднационального суверенитета, источника его легитимности и его осуществления вовлекают в поле зрения политические, культурные и, наконец, онтологические проблемы» (с. 24–25).

Вообще говоря, «начала» выглядят откровенно неудачно: вне зависимости от того, верно или неверно они толкуют «сердце политической теории Империи», выведенное на сцену право, очевидно, *освящает* проводимую политику – в свой черед реализующую глубинные и покуда не раскрытые интенции («политические, культурные и, наконец, онтологические») – но ни в коем случае ее не обуславливает. Об этом свидетельствуют в том числе и сами авторы, по мере перехода к упомянутым интенциям далее это *третнее сердце не упоминающие вовсе*.

«...особенность Империи – и в частности римской традиции имперского права – состоит в том, что она доводит совпадение и универсальный характер этического и юридического принципа до предела: Империя – это мир и гарантии справедливости для всех народов» (с. 25).

Наивность данной сентенции очевидно обусловлена отмеченной неудачей «захода в тему»; прокламируемые цели любой власти – отнюдь не только имперской – вегетарианские и «универсальные»; никакой имперской *специфики* они не раскрывают.

«Справедливая война перестает быть практикой защиты или сопротивления, каковой она представляла в христианской традиции от Августина Блаженного до схоластов Контрреформации, необходимостью «града земного» обеспечить свое... выживание. Она становится деятельностью, которая оправдана сама по себе. ... Сегодня враг, как и сама война, одновременно банализируется (низводится до уровня объекта обычных полицейских репрессивных мер) и абсолютизируется (как Враг, абсолютная угроза моральному порядку)» (с. 27).

Тяжеловесное высказывание, вновь не приближающее, но удаляющее от сути: справедливая война *никогда* не служила «практикой защиты и сопротивления», о чем свидетельствуют те же крестовые походы. Если данная сентенция вообще чему-то соответствует, так это разве что той циничности, которая, в общем отвечая духу времени, позволяет ощущающему безнаказанность суверену придавать своим действиям напех вылепленную видимость обоснований. Намек на существо происходящего и его диалектику содержит завершающая часть – но именно подобное совмещение банальности объекта полицейских репрессивных мер и абсолютного Врага так и не обретает объяснения.

«Создание Империи и ее акции вмешательства становятся юридически легитимными только тогда, когда Империя включена в цепь международных соглашений, цель которых – разрешение уже существующих конфликтов. Вернемся к Макиавелли: расширение Империи определяется внутренней логикой конфликтов, которые она призвана разрешить. Таким образом, первой задачей Империи становится расширение сферы консенсуса, поддерживающего ее власть» (с. 29–30).

Следование «логике фактов» продолжает уводить от темы: следуя принятому, но внутренне порочному курсу отталкивания от феноменологии, авторы и в данном случае мешают причины и следствия; разумеется, возрастающая имперская мощь, уже готовая к большой политической игре, придает ей черты легитимности и в такой форме; все же «первой задачей Империи становится» не «расширение сферы консенсуса», но расширение сферы конфликтов (и их углубление), ввергающий мир в «управляемый хаос». Об этом говорит и то, что

«конфликты между этническими группами с последующим укреплением новых и/или восстановленных этнических идентичностей выступают очень сильным средством разрушения прежних форм общности, опиравшихся на единство политической нации. Подобные конфликты делают менее прочной, устойчивой ткань существующих в мире отношений и, утверждая новые идентичности и новые локальные общности, обеспечи-

вают Империи легче поддающийся контролю материал» (с. 48).

Безусловно; но скрупулезное и вместе с тем не слишком оригинальное вникание в технику геополитики акцентирует методологическую слабость обзора: речь идет о *механизмах* империалистической экспансии, прежде раскрытия их подстилающих особенностей момента предстоящих *общеисторическими*.

Очевидно, авторы и сами ощущают это «зависание» метода, переходя к очерчиванию той «специфики», которая предварительно уже сопряжена с биополитикой.

«Источник имперской нормативности появляется из новой машины, новой экономико-производственно-коммуникативной машины – короче, глобализированной биополитической машины. Поэтому ясно, что нам следует искать нечто отличающееся от того, что до сих пор служило основой международного порядка, что-то, что не зависело бы от формы права, которое, при всем различии традиций, опиралось на систему современных суверенных национальных государств» (с. 51).

Но если это настолько «ясно», зачем было изводить предшествующие 50 страниц? Ну что ж, поищем.

«Наследие современности – это наследие братоубийственных войн, опустошающего «развития», жестокой «цивилизации» и насилия, которое ранее невозможно было вообразить. ... трагедия западной современности была распространена ею на весь мир. Концентрационные лагеря, ядерное оружие, геноцид, рабство, апартеид: несложно перечислить различные сцены трагедии. Тем не менее, настаивая на трагическом характере современности, мы вовсе не намерены следовать «трагическим» философам Европы от Шопенгауэра до Хайдеггера, которые превратили эти реальные беды в метафизические повествования о негативном характере бытия, так, как если бы эти настоящие трагедии были всего лишь иллюзией или даже нашей неотвратимой судьбой!» (с. 56).

Философские или же политические предпочтения, вообще говоря, не должны довлеть над фактами и заставлять их то подменять, то игнорировать; понятно, что гегелевский (марксистский) культ позволяет те или иные разделы истории относить к «пропедевтике», «бытию в ином» и пр. приемам методологии, позволяющим их по существу игнорировать – во всяком случае, гораздо более настоятельно, нежели в случае (гипотетического) приравнивания онтологии к «иллюзии или даже (! – Д.С.) к неотвратимости».

Но, принимая или не принимая онтологию «от Шопенгауэра до Хайдеггера», невозможно проигнорировать подстилающие ее основания, кровавый дух, напитывающий поры истории, и в его недрах вызревающий цинизм, уснащающий прежнюю натуральную жестокость нравов – и в отношении идеологии, и в отношении реализаций – механизмами, освобождающими от многих тягостных необходимостей, вроде разжигания чувства ярости вплоть до ее собственноручной кровавой реализации.

Но эта «бухгалтерия смерти» не изменяет существа истории, но лишь придает ему черты современности – безликость, рациональность и пр. В таком отношении онтология Шопенгауэра и Хайдеггера более убедительна; напротив, списывание всех ужасов истории на «прибавочный продукт», собственность и отчуждение, формирующие ход реальной истории и существо столь же реальных индивидов, и (с революцией) переходящие, выглядит достаточно предвзято. Столь изысканные отсылки затемняют подстилающую их жизненную онтологию: «трагедия западной современности была распространена на весь остальной мир» не в силу так устроенности бытия; мировое бытие обрело нынешнее устройство в силу чрезвычайной агрессивности цивилизации Запада, его экспансионизма и *фатального фундаментализма* (эту простую очевидность мешает воспринять идеологическая гибкость, подобный фундаментализм сопровождающая; платформа «либерально-демократических ценностей», тем не менее, представляет *образчик* подлинного фундаментализма).

То, что с началом Нового времени цивилизация Запада трансформирует формы агрессии, следуя логике военных технологий (что хорошо раскрывает Хейзинга в «Осени средневековья») не меняет существа дела: глобализм реализует и завершает интенции, заключенные в порывах *ярости викингов* и классическом *колониализме, их продолжающем* (будь то в континентальной или трансатлантической редакции).

Первые попытки связывания искомого с «биополитикой» оказываются, как ни странно, не слишком удачными:

«В то время как власть заявляет о себе как о наднациональной силе, она выглядит лишенной какой-либо реальной опоры, или, скорее, ей не хватает мотора, движущего ее вперед. Таким образом, господство биополитического контекста Империи нужно рассматривать в первую очередь как машину на холостом ходу, машину, рассчитанную на внешний эффект, машину-паразит» (с. 70).

Заявления, раскрывающее слабость объяснительной позиции: биополитика изначально нацелена на контроль и симуляцию мобилизаций; она никак не может – и не должна – служить «мотором» развития (экспансии). Таковая отдана под эгиду профессионалам и отчуждена от всех форм «народного ополчения». Минин и Пожарский лишь в дурном сне могут предстать «спасителями западной цивилизации». Интуиция, тем не менее, ведет авторов в относительно верном направлении.

«Современная бюрократия есть главный орган трансцендентального – Гегель dixit. ... Трансцендентальная теория суверенитета современности, достигая, таким образом, зрелости, создает новую «индивидуальность», поглощая общество властью. Мало-помалу в процессе развития аппарата управления отношения между обществом и властью, между массами и суверенным государством изменились таким образом, что теперь власть и государство производят общество» (с. 92).

Но, по сути, это мало добавляет к ранее сказанному. Помимо прочего, Гегель говорит и о том, что власть *вынуждена* время от времени напоминать разжиревшим бургером о том, что их истинным или непреходящим господином выступает смерть, ввергая подданных в состояние войн и возрождая тем самым утрачиваемое в состоянии благополучия единство.

«Изменение модели абсолютистского патримониального государства состояло в постепенном замещении теологического обоснования территориальной патримонии новым, столь же трансцендентным, обоснованием. Духовная идентичность нации, а не божественное тело короля теперь олицетворяла территорию и насе-

ление в качестве идеальной абстракции. Вернее, реальные территории и народы теперь считались продолжением трансцендентной сущности нации» (с. 98).

Достаточно существенное замечание; но изменение формы государства ничего не говорит о его сути – и с нею происходящих коллизиях. Постепенное освобождение от власти земли, воплощающей ближайшим образом господина (в свою очередь представляющего родовой феод) обостряет вопрос об истоках трансцендентного единства. Реальные территории и народы теперь не считаются продолжением трансцендентной сущности нации; напротив, подобная сущность неуклонно вытравляется, подменяясь сытостью и благополучием упорядоченной жизни; «цивилизация» все более и более воплощает порядок, вне которого все более атомарные граждане обходиться не могут уже физически, и защиту от варваров, образ которых постоянно фетишизируется.

Неоднозначность отношения авторов к национальному вопросу передает и следующий отрывок:

«Профессора, такие как Отто Бауэр, настаивали на необходимости признания нации основополагающим элементом модернизации. Фактически они верили, что из конфронтации между нацией (определяемой как общность характера) и капиталистическим развитием (понимаемым как общество) могла бы родиться диалектика, которая по мере своего развертывания в конечном счете служила бы интересам пролетариата и целям установления в обществе его гегемонии, способствующей прогрессу. Эта программа игнорировала тот факт, что понятие национального государства не поддается делению на составные части, а скорее является органическим, что оно не трансцендентально, а трансцендентно, и даже в своей трансценденции оно предназначено противостоять любому стремлению пролетариата вернуть себе социальные пространства и общественные богатства. ... Эти авторы прославляют нацию, не желая платить за ее славу» (с. 112).

Но с последним обстоятельством не хотят мириться не только «эти профессора»; его не слишком жалуется ортодоксальный марксизм, выстраивая «пролетарский интернационализм» на имущественной общности вопреки опиумной «надстройке». Преодоление «национального духа» (вкуче с его третированием) выступает общей чертой марксизма и глобализма, восходящей в том числе к непрямому, но явственному наследованию идей позитивизма-материализма-рационализма.

Следующая констатация несколько отклоняется от выбранных приоритетов.

«Инаковость является созданной, а не данной. ... Ориентализм не является просто научным проектом для получения более точного знания о реальном объекте, о Востоке, но скорее дискурсом, который создает свой собственный объект в процессе развертывания самого дискурса... Результатом, как указывает Сайд, оказывается не Восток как он есть, как эмпирический объект, но Восток ориентализированный, объект европейского дискурса» (с. 124).

Существенно то, что мысль Запада (вспомнить Фуко) процесс экспансии совмещает с его идеологическим обеспечением. В нем обретает почву новая символическая власть, позднее направляемая на своих подданных – и, как справедливо замечают авторы, в глобализме обретающая всеобщность черт. Акцентируя непроявленное существо западного познания, отметим, что в геополитическом аспекте познание восстанавливает библейские коннотации, акцентируя усилия на преобразовании предмета, а не на установлении «объективно присущих ему свойств» (точнее, знание выступает его (тайной) пропедевтикой и приоритетом спецслужб).

Возвращаясь к структуре «национального» и предшествующее восприняв далеко не в полной мере, авторы устремляются к «объективной структуре» национально-государственного.

«Полностью логическая цепочка представительства может быть выражена следующим образом: народ, представляющий массы, нация, представляющая народ, и государство, представляющее нацию. Каждое звено является попыткой удержат в подвешенном состоянии состоянии кризис современности. Представительство в каждом случае означает следующий шаг на пути абстрагирования и контроля. ... Конец колониализма эпохи современности, конечно, в действительности не открыл эпоху безграничной свободы, но, скорее, уступил место новым формам господства, действующим на глобальном уровне. Здесь мы видим первый действительный отблеск перехода к Империи» (с. 132).

Если воспринимать эту сентенцию в качестве завершения предшествующей аналитики, то оно достаточно вялое. Эта унылая и беспомощная констатация живучести государства и нации вкуче с их несводимостью друг к другу («эпоха безграничной свободы» означает конец государственности), не проясняющее подлинной динамики их отношения. Но государство либо выражает и реализует национальный дух, или, напротив, симулирует его проявления, подчиняя биополитике в том числе инспирируемые символической властью суррогаты духовности. Этот мутогенез и скрыт описываемыми трансформациями.

В нем по-прежнему не отделены зерна и плевелы, в нашем случае – империалистическая экспансия как геополитическая прежде всего интенция и те ее (имперские) формы, которые придает ей дух постмодерна.

«Должно быть четко осознано отличие этой экспансионистской тенденции демократии, подразумевающейся в понятии сетевой власти, от экспансии ради экспансии, от ее чисто империалистической формы. Принципиальное отличие состоит в том, что экспансионизм имманентной концепции суверенитета является включающим, а не исключающим. – Иными словами, распространяясь, этот новый суверенитет не аннексирует, или уничтожает другие державы, с которыми он сталкивается, но, напротив, открывается для них, включая их в сеть» (с. 160).

Неуловимость и дисперсность власти рождает новые горизонты «включения», в то время как демократизм скрадывает имущественные и статусные различия.

«... идея мира лежит в основе развития и расширения Империи. Это суть имманентная идея мира, принципиально противостоящая трансцендентной идее мира, то есть мира, который только трансцендентный суверен может принести обществу, чья природа определяется войной» (с. 161).

Следует заметить, что этот «подвешенный» мир мало отличен от мира, обещанного классическими империями по-

сле «окончательного решения вопроса» с врагами. Идеология и в данном случае не отделена от подстилающих реалий: авторы в запальчивости упускают образ демонизируемого Врага, регулярно инициируемый в недрах все той же Империи. Идея мира, о которой говорят авторы, суть *идеологический концепт благополучия*, инвертируемый в ядро «демократии» в качестве ее «естественного следствия» и экспортируемый в качестве ходового товара.

«Сегодняшняя идея Империи родилась благодаря глобальной экспансии собственного, исходно рассчитанного на внутренние условия конституционного проекта США. ... Мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта в открытое пространство имперского суверенитета» (с. 174).

Напыщенная констатация призвана освятить чрезвычайно банальное обстоятельство: обычная нахрапистость янки позволяет игнорировать различные «тонкости» локальных политических устройств, формуя их по известному образцу; впрочем, в подобную напористость привносятся изрядные дозы разборчивости и аналитики в том случае, в котором предмет воздействия демонстрирует настойчивое сопротивление. Сотни институтов, в период холодной войны изучающих враждебную империю, тому свидетельство.

Мы не можем проследить, как уже говорили, всех извивов авторской мысли. Повторим в такой связи, что в ней эклектично смешаны (верные и не слишком) эмпирические наблюдения, философские концепции и попытки их соединений, как правило, не слишком убедительные.

«В этом отношении анализ Ги Дебором общества спектакля, ныне, спустя более чем тридцать лет после публикации его работы, кажется еще более адекватным и настоящим. В имперском обществе спектакль является виртуальной локальностью или, точнее, а-локальностью политики. Спектакль является одновременно унифицированным и расплывчатым, так что невозможно отличить внутреннее от внешнего – природное от социального, приватное от публичного. Либеральное понимание общественности как внешнего пространства, где мы действуем в присутствии других, было и универсализировано (поскольку мы теперь всегда находимся под пристальным взглядом других, отслеживаемые камерами безопасности), и сублимировано или деактуализировано в виртуальных пространствах спектакля. Конец внешнего является концом либеральной политики. Наконец, нет более внешнего также и в военном смысле. Когда Фрэнсис Фукуяма утверждает, что нынешний исторический переход определяется концом истории, он имеет в виду, что эра крупных конфликтов подошла к концу: суверен более не будет противостоять своим Другим и встречаться со своим внешним, но, скорее, станет постепенно расширять свои границы для того, чтобы охватить весь мир как свое законное владение. История империалистических, межимпериалистических и антиимпериалистических войн окончилась. Конец этой истории возвестил царство мира. Или, в действительности, мы вошли в эру ограниченных и внутренних конфликтов. Каждая имперская война является гражданской войной, полицейской акцией – от Лос-Анджелеса и Гранады до Могодишо и Сараево. Фактически разделение функций между силовыми структурами, предназначенными для решения внешнеполитических и внутривнутриполитических задач (между армией и полицией, ЦРУ и ФБР), становится все более туманным и неопределенным. ... История окончилась только в той мере, в какой она понимается в гегельянских категориях – как движение диалектических противоречий, игра абсолютных отрицаний и предпосылок. Бинарности, определявшие конфликт во времена современности, стали расплывчатыми» (с. 180).

Мы приносим извинения за столь длинную цитату – но она во многом подводит итог всему предшествующему анализу.

«Игра абсолютных отрицаний» подошла к концу в тех формах, на которые (справедливо) указали авторы. Но, как мы помним, если что-то должно быть укрыто наиболее тщательно, его следует небрежно оставить на самом видном месте. Искомое впервые наличествующего столь реально в истории Абсолюта начинается на наших глазах: это история Империи, которая, дробя дискретные многообразия на все более атомарные фрагментации, сама преобразуется в монстра тотальности, вырастая вместе с тем новые тотальные бинарные оппозиции. Не ставя задачи обрисовки их контуров, отметим, что уже ее либерально-демократическая доктрина заключает семена будущих оппозиций (республиканско-демократических и пр.). Не меньшие всходы несет в себе и пресловутый *спектакль* – как новая тотальность имманентной свободы, открываемой новой аристократии Империи. Традиционную Большую игру, в которой внешние участники вынуждены руководствоваться правилами, противостоя их субъектам, сменяет игра элит, или равноправных субъектов, правила навязывающих и изменяющих произвольно в ходе игры. Кем в этой новой расстановке сил предстанут старые субъекты – спецслужбы, аппарат государства, неправительственные организации, церкви и пр. – тот вопрос, на который должно было бы дать ответ исследование такого рода.

Во всяком случае, именно этот переход к свободе нового типа (новому типу свободы), но не абстрактно-романтическое «освобождение пролетариата», характеризует структуру момента и обуславливает контуры глобализма изменяющейся на наших глазах реальности.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Спектор, Д. М. Императив империи. Размышление над книгой: Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова (М.: Праксис, 2004. — 440 с.) / Д.М. Спектор // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 409—413. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st1_2-19_20.2015.133.